

*Если бы мне второй раз дали жить
на этом свете,
я бы все прожил точно так же...
Только не курил бы...*

Муслим Магомаев

Вступление

...1967 год, Ростов-на-Дону. Огромный стадион на сорок пять тысяч зрителей гремит овациями — только что закончился концерт Муслима Магомаева, и теперь он в открытой машине совершает круг почета вдоль трибун. Поклонники хлопают, кричат, рыдают и протягивают руки к своему кумиру.

И вдруг кто-то не выдерживает и рвется вперед — да и как удержаться, ведь вот он, любимец всего Советского

Союза, так близко, можно подбежать и попросить автограф, а может, даже и поцеловать... По рядам зрителей проходит движение, и вот за первым человеком несется уже целая толпа, а следом, обгоняя друг друга, расталкивая и наступая на ноги, бегут и люди с других трибун. Минуты не проходит, как машина оказывается в кольце фанатов, жаждущих прикоснуться к предмету обожания...

Начинается давка, слышатся крики, милиция пытается навести порядок, но безрезультатно. Толпа все напирает, и машина уже начинает трещать. Окруженный обезумевшими поклонниками, пытающимися потрогать своего кумира, а то и оторвать кусочек его одежды, Магомаев мысленно уже начинает прощаться с жизнью...

Но водитель, вовсе не желающий быть раздавленным за компанию, решается на отчаянный шаг — вновь заводит машину и трогается с места, несмотря на обступившее их плотное кольцо

людей. Фанаты отступают, пытаются бежать, начинается паника, давка... но в конце концов певцу и его водителю удается вырваться со стадиона живыми и никого не задавив...

«Кругов почета» Магомаев с тех пор больше не делал и вообще старался держаться от поклонников подальше — после концерта он обычно тихо сбегал через запасной выход, чтобы его никто не увидел. А было ему тогда, в Ростове-на-Дону, всего двадцать пять лет, и впереди его ждали еще десятилетия славы...

Бывают артисты известные. Бывают знаменитые. Бывают звезды и суперзвезды. А бывают такие артисты, как Муслим Магомаев.

С его голосом и красотой ему прочили стать вторым Шаляпиным. Большой театр дважды приглашал его — в то время еще мальчишку, даже не окончившего консерваторию, — стать у них солистом, а он отказался. Уже в двадцать лет он прославился на всю страну и... тут же

уехал на два года стажироваться за границу, совершенно не заботясь о том, что его могут за это время забыть. Его осыпал подарками иранский шах, директор парижского театра «Олимпия» уговаривал его остаться во Франции, сулил миллионы и мировую славу. Ему предлагали сыграть Вронского и Остапа Бендера. Он был депутатом Верховного Совета, хотя никогда не состоял ни в партии, ни даже в комсомоле...

Человек-парадокс, человек-загадка, при всей его открытости и дружелюбии он всегда и все делал не так, как другие. Его жизненный путь не был устлан розами, но и победы и поражения его не похожи ни на чьи больше. Он все делал так, как считал нужным, ни под кого не подстраиваясь и слушая только свою совесть и иногда своих друзей.

В наше время, когда каждого, кто мелькает на экранах телевизоров, принято называть звездой, трудно даже представить себе весь масштаб его сла-

вы в те годы, когда он был на пике популярности. Стоило ему открыто появиться на людях — и фанаты рвали его на части. Роберт Рождественский писал в 1980 году: «Я присутствовал на многих концертах, в которых пел Муслим Магомаев, и ни разу не было случая, чтобы ведущий успевал назвать полностью имя и фамилию артиста. Обычно уже после имени «Муслим» раздаются такие овации, что, несмотря на самые мощные динамики и все старания ведущего, фамилия «Магомаев» безнадежно тонет в восторженном грохоте. К этому привыкли. Как привыкли к тому, что уже одно имя его давно стало своеобразной достопримечательностью нашего искусства... А еще к тому, что любая оперная ария, любая песня в его исполнении — это всегда ожидаемое чудо».

Но что такое слава — песок, уходящий сквозь пальцы. Сам Магомаев так к ней и относился — со снисходительной

насмешкой. Он знал себе цену, не пытался принизить ни свой талант, ни свою популярность, не кокетничал в интервью, но и «звездной болезнью» никогда не страдал.

Когда его спрашивали о том, как он сам воспринимал свалившуюся на него славу, он отвечал: «Сиюминутная слава — это, конечно, приятно. И когда артисты говорят: «Мне все равно, любят меня или не любят!» — врут они! Причем нагло. Каждому артисту приятно, когда ему аплодируют, когда его ждут у входа, просят автографы... Но все эти звезды, которые сегодня модно вмуровывать в асфальт, — это же глупость! Ну закатали их. И ходит народ, твое имя ногами топчет. Зачем это нужно?.. Все мы на этой земле — временщики. За свои дела каждый из нас будет отвечать там, на небесах. А земная мишура — она уйдет».

Вот именно так — спокойно и даже философски — он и воспринимал свой творческий путь, путь истинного Ар-

тиста, и сейчас вызывающий у многих изумление, восхищение, зависть и... непонимание. И действительно, как его понять? Муслим Магомаев рано стал популярным, быстро превратился в кумира миллионов, уже в тридцать один год стал народным артистом СССР (самым молодым в истории), превратился в живую легенду, а потом, когда решил, что пришла пора... добровольно ушел со сцены.

Как такое возможно в нашем мире, где за сцену цепляются из последних сил, до самого конца, даже потеряв голос и последние остатки популярности? А Магомаев ушел. Сделал он это без показухи, без позерства, без многолетних «прощальных туров» по стране, без многократных возвращений «по многочисленным просьбам» — достойно и красиво, как и все, что он делал в своей жизни.

Он не терял голос, как пытались утверждать завистники, и доказал это, изредка участвуя вместе с женой, Тамарой

Синявской, в праздничных концертах, а потом записав в 2007 году, всего за полтора года до смерти, песню «Прощай, Баку» на стихи Есенина. Хотя, конечно, сам Магомаев не собирался никому ничего доказывать, он был выше того, чтобы интересоваться сплетнями о себе. Просто он очень любил город, из которого был родом, и не мог отказаться от возможности сделать ему такой подарок.

Он всегда говорил: «Где бы мы ни жили, тоска по родному городу нас никогда не покидает». Вот и он до конца жизни, где бы ни жил, всегда оставался бакинцем, а непонятливым объяснял: «Бакинец — это особый характер, индивидуальность, особый стиль жизни. Разбросанные теперь, в силу разных жизненных обстоятельств, по многим странам, бакинцы, люди разных национальностей, стараются и там общаться между собой и по возможности хоть на несколько дней возвращаются в родной город».

И в то же время он был русским — русским певцом, актером, композитором. После распада СССР, когда во всех республиках бывшего Союза всколыхнулись националистические настроения, многие пытались на них спекулировать. Но только не Магомаев. Его позицией, можно даже сказать, почти его девизом всегда были слова, которыми он начал свою автобиографическую книгу: «Я горжусь своей родиной и люблю ее... И всю жизнь я раздваивался в этой своей любви: говорил, что Азербайджан — мой отец, а Россия — мать».

Только он мог такое сказать, не заботясь о том, кто и что о нем подумает и как это скажется на его популярности. И в этом весь он. Человек, всегда идущий своим собственным путем.

Он был такой один.

Муслим Магомаев.

Глава 1